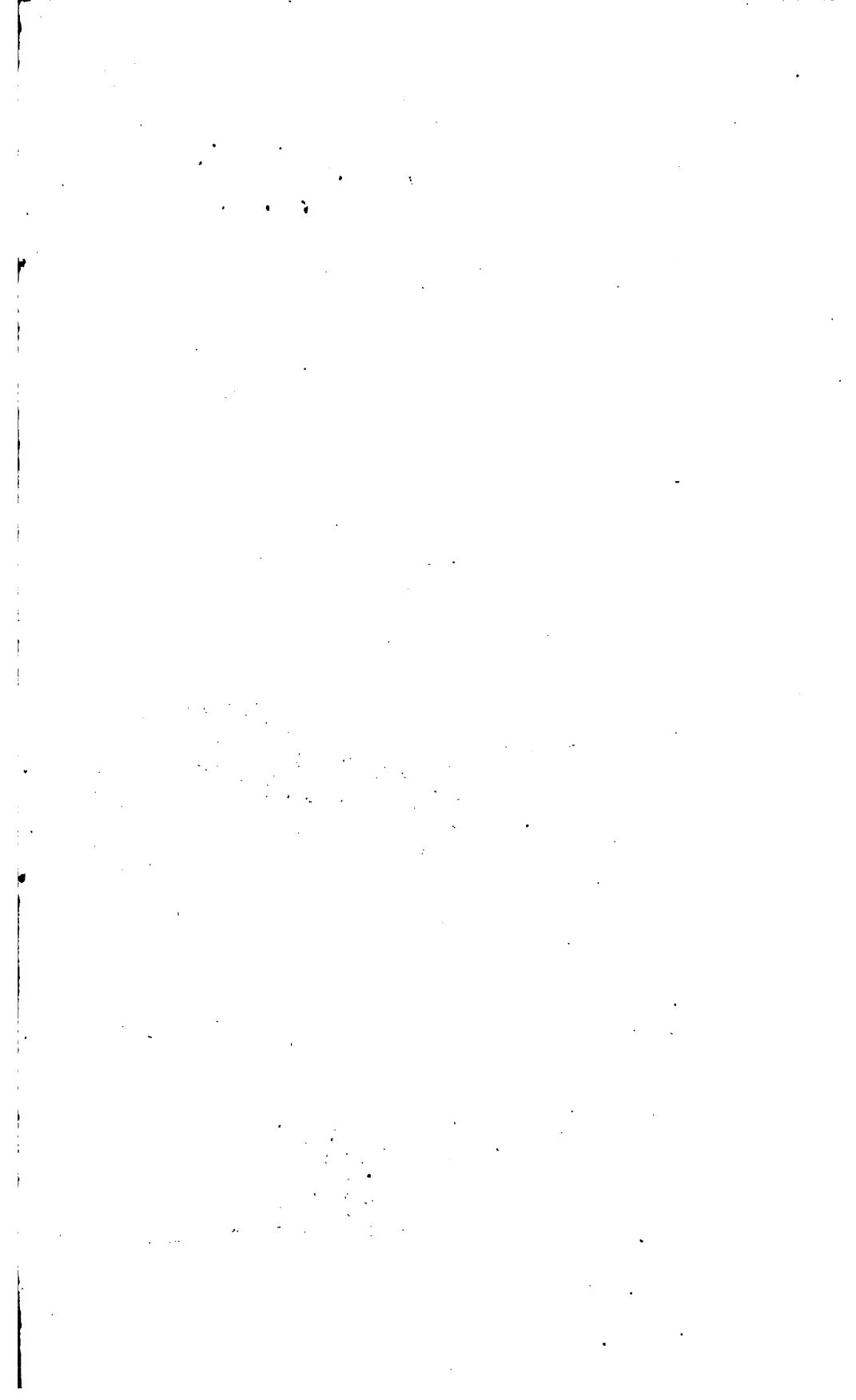


8247

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННИКОВЪ
О
ДИМИТРИИ САМОЗВАНЦѢ.
IV.





Грав. Александръ Шкунинъ. Петербургъ М. А. К. 1834 года.

Кіахъ напідъ і сола провела
марина царовѣ.
L

СКАЗАНІЯ
СОВРЕМЕННОКОВЪ
О
ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦЪ.



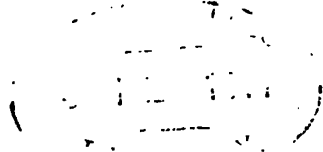
Часть IV.
Дневникъ Марины Мнишекъ
и
Пословъ Польскихъ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1 8 3 4.

Slav 820.9 (4)



Hale fund

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлены были въ Цен-
сурный Комитетъ три экземпляра сей книги.

Санктпетербургъ, Маія 2 дня, 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Въ 1831 году приступивъ къ изданію въ свѣтъ *Сказаній современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ*, я зналъ, что помѣщенные въ семь собраній записки Бера, Паерле, Маржерета и Дету, не могутъ вполне объяснить эпоху Самозванцевъ и что для разрѣшенія многихъ загадочныхъ событій оной, необходимо знакомство съ современными памятниками Литературы Польской. Кто могъ лучше знать Самозванцевъ, ежели не Поляки? Они приводили къ намъ сихъ злодѣевъ, стояли за нихъ грудью, были ихъ совѣтниками и любимцами. Но сказанія Поляковъ очевидцевъ остались болышею частию въ рукописяхъ, разсыянныхъ по разнымъ библіотекамъ, куда, при всѣхъ усиліяхъ, долго не имѣлъ я доступа, доколѣ случай не помогъ мнѣ: благодаря содѣйствію людей просвѣщенныхъ, я успѣлъ наконецъ приобрѣсть нѣсколько Польскихъ рукописей и рѣдкихъ печатныхъ книгъ, относящихся къ эпохѣ Самозванцевъ. Онѣ такъ любопытны, что скрывать ихъ отъ любознания Публики, награждающей столь лестнымъ уча-

II

стіемъ мои усердные труды, было бы съ моей стороны тѣмъ болѣе непростительно, что наша лѣность была виною утраты уже многихъ Историческихъ сокровищъ. Страшно подумать, чего можетъ лишиться Русская Исторія, если мы будемъ столь же нерадивы къ ея памятникамъ, какъ были доселѣ!..

Не желая заслужить подобной укоризны и въ то же время надѣясь составить по возможности полное собраніе матеріаловъ для Исторіи *Смутнаго времени*, я рѣшился издать еще нѣсколько томовъ любопытнѣйшихъ записокъ о сей эпохѣ, въ видѣ дополненія къ напечатаннымъ мною въ 1831 и 1832 годахъ тремъ томамъ Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Число ихъ будетъ зависѣть отъ досуга и обстоятельствъ.

Въ семъ четвертомъ томѣ заключаются переводы двухъ Польскихъ рукописей, сообщенныхъ мнѣ однимъ почтеннымъ любителемъ Отечественнѣй Исторіи, изъ манускриптовъ ученаго Албетранди. Обѣ рукописи содержатъ ежедневныя замѣчанія двухъ неизвѣстныхъ Поляковъ, изъ коихъ одинъ находился въ свитѣ Маринны Мнишекъ, а другой при Послахъ Польскихъ,

III

Олесницкомъ и Гонсѣвскомъ. Дневникъ перваго идетъ до конца 1607 года, а втораго до 15 Іюня 1606. Сіи дневники, описывая путешествіе Маринны въ Москву, послѣдніе дни царствованія Лжедимитрія, низверженіе его, гибель Поляковъ, и плѣнъ Маринны, имѣютъ именно тѣ достоинства, которыя требуются отъ сочиненій подобнаго рода: наблюдатели рассказываютъ просто, день за день, что они *сами* видѣли; отъ сего показанія ихъ, за исключеніемъ двухъ нелѣпныхъ басней, въ высшей степени достовѣрны и любопытны; въ особенности они весьма занимательно описали переговоры Лжедимитрія съ Послами Польскими, приводя неоднократно акты официальные и рѣчи Пословъ, изъ коихъ мы узнаемъ много новаго.

Въ переводѣ этихъ рукописей я руководствовался тѣми же правилами, кои наблюдалъ издавая въ свѣтъ записки Бера, Паерле, Маржерета и Де-Ту: т. е. старался передать подлинникъ со всѣми оттѣнками смысла и слога, не исключая ни одной идеи и объясняя въ примѣчаніяхъ извѣстія темныя или невѣрныя, коихъ-впрочемъ не много. За вѣрность моего перевода я тѣмъ болѣе могу поручиться, что онъ

IV

совершенно согласенъ, исключая не многихъ мѣстъ, съ буквальнымъ переложеніемъ сихъ же рукописей, сообщеннымъ мнѣ изъ библіотеки Н. М. Карамзина, достойною супругою незабвеннаго Исторіографа.

Приложенный къ сему тому портретъ Марины Мнишекъ взятъ изъ 2 части Dzieie panowania Zygmunta III, przez J. U. Niemcewicza; а подпись ея снята съ fac-simile, находящагося въ Собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ.

Николай Устряловъ.

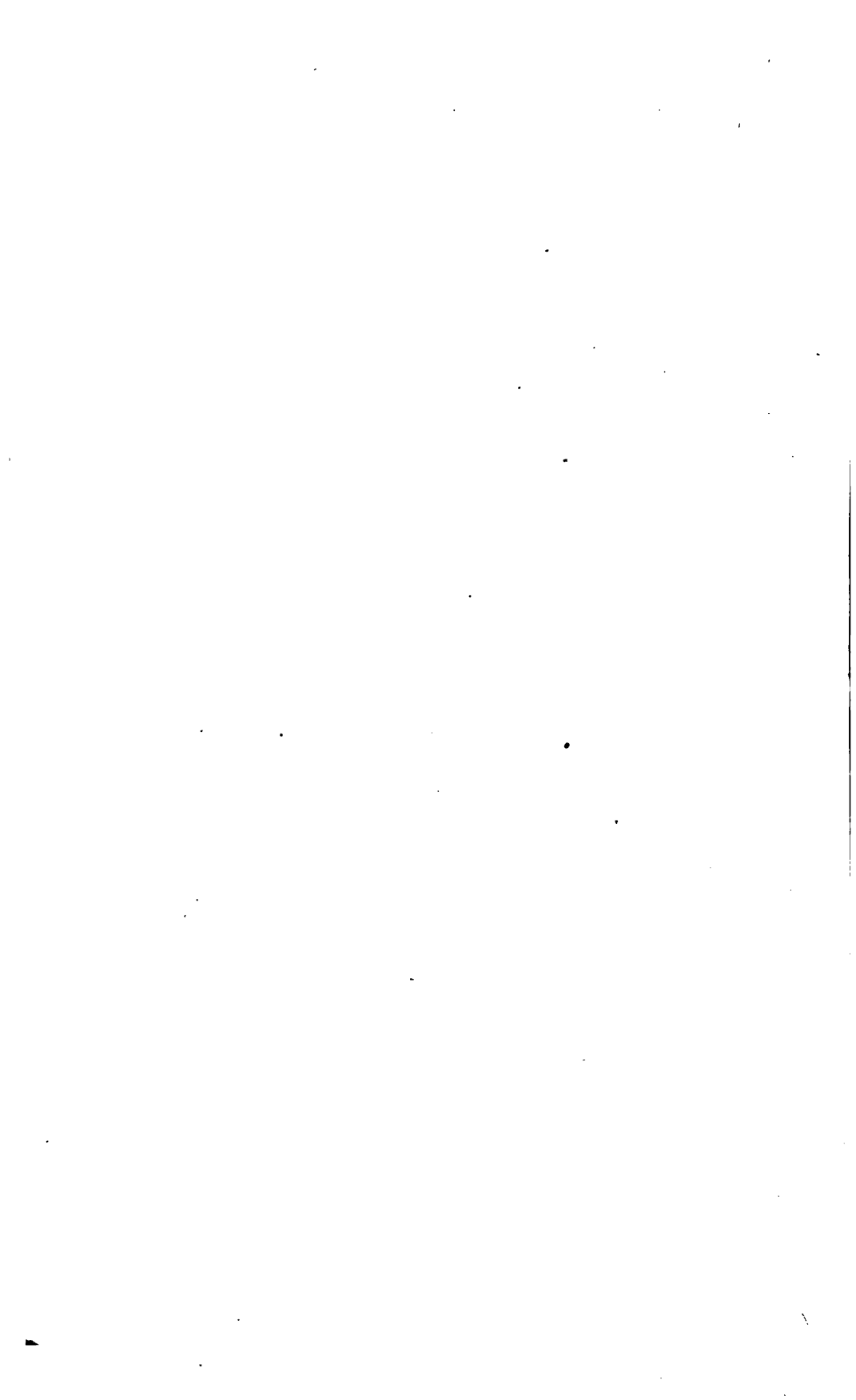
18 Марта,
1854.

ДНЕВНИКЪ

МАРИНЫ МНИШЕКЪ,

съ 1605 года по 1608.

Переводъ съ Польской рукописи.



ДНЕВНИКЪ

ПУТЕШЕСТВІЯ МАРИНЫ ВЪ МОСКВУ

И

ПРЕБЫВАНІЯ ПОЛЯКОВЪ ВЪ РОССИИ,

съ 1605 года по 1608. ¹⁾

Г Л А В А I.

Правленіе Ѳеодора Іоанновича. Борисъ Годуновъ. Спасеніе Царевича Димитрія отъ смерти Докторомъ. Димитрій удаляется въ Польшу. Идетъ на Россію. Быстрые успѣхи. Покореніе крѣпостей. Неудачи. Смерть Бориса и гибель семейства его. Коронованіе Димитрія. Посольство Власьева. Переговоры о сватовствѣ. Дары Царскіе. Путешествіе Марины. Свита ея. Дорога Московская. Свиданіе Мишка съ Димитріемъ. Пиръ. Въездъ Марины въ Москву. Рѣчь Стадницкаго. Споры о пирушѣ Цесарскомъ. Коронованіе Марины. Свадьба. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Побѣненіе Поляковъ.

Димитрій Іоанновичъ, сынъ Царя Іоанна Васильевича, осиротѣвъ еще въ младенчествѣ, воспитывался по волѣ брата своего, Ѳеодора Іоанновича, Государя Московскаго, въ Княжествѣ

Углицкомъ; при немъ было нѣсколько Московскихъ дворянъ съ отрядомъ тѣлохранителей. Царь Осодоръ жилъ постоянно въ Москвѣ, не зналъ никакихъ заботъ, мало занимался правленіемъ; болѣе всего любилъ посѣщать монастыри и бесѣдовать съ монахами. Государствомъ же управлялъ Конюшій его Борисъ Годуновъ, который, видя слабость Царскаго здоровья и малолѣтство Димитрія, рѣшился погубить обоихъ, чтобы самому взойти на престолъ. Прежде всего онъ хотѣлъ умертвить невинное дитя, Царевича, и сей умыселъ поручилъ исполнить надежнымъ клеветамъ, пославъ имъ приказаніе въ Угличъ, находящійся отъ Москвы въ нѣкоторомъ разстояніи. При Царевичѣ былъ Докторъ, родомъ Волохъ ²⁾; свѣдавъ о зломъ умыслѣ, онъ принялъ для спасенія Царскаго отрока слѣдующія мѣры: нашелъ мальчика, похожаго на Димитрія, и велѣлъ ему быть безотлучно при Царевичѣ, даже спать на одной постелѣ. Когда же мальчикъ засыпалъ, осторожный Докторъ переносилъ Димитрія на другую постель. Такъ прошло не мало времени. Злодѣи, нетерпѣливо желая исполнить замыселъ, ворвались во дворецъ, напавъ на Царевичеву спальню, убили мальчика, лежавшаго въ постели, и унесли трупъ. Въ городѣ сдѣлалась тревога: немедленно послали въ погоню за убійцами; нѣсколько десятковъ ихъ умертвили, а тѣло отняли ³⁾.

Докторъ, зная сколь безпеченъ Царь Теодоръ и сколь сильна власть Борисова, для спасенія Царевича отъ неминуемой смерти, вывелъ его тайно изъ Углича и бѣжалъ съ нимъ къ Ледовитому морю, гдѣ до самой смерти своей выдавалъ его за простаго мальчика. Предъ концемъ жизни, онъ совѣтовалъ Димитрію — не открывать о себѣ до совершеннаго возраста и постричься въ монахи: что и было исполнено. Между тѣмъ Конюшій Борисъ, увѣривъ Царя Теодора, что Димитрій скончался отъ удара, въ падучей болѣзни, велѣлъ казнить находившихся при Царевичѣ служителей, чтобы скрыть слѣды своего предательства. Теодоръ хотѣлъ привезти въ Москву тѣло своего брата и похоронить оно съ честію; но Борисъ убѣдилъ его оставить сіе намѣреніе, сказавъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ занесена будетъ зараза въ столицу. И такъ мнимаго Царевича похоронили въ Угличѣ. Наконецъ Борисъ отравилъ ядомъ самого Теодора и овладѣлъ престоломъ.

Царевичъ Димитрій, скрываясь въ одеждѣ инокѣ, достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, и изъ монастыря своего перешелъ въ другой, ближайшій къ столицѣ, потомъ въ третій, и такъ далѣе; наконецъ, ни кѣмъ не знаемый, явился въ Москву, гдѣ предъ глазами самого Бориса, нѣсколько времени находился въ палатахъ Патріаршихъ. Здѣсь онъ еще никому не смѣлъ открыться и

отправился въ Польшу; училъ тамъ довольно долго дѣтей какого-то Шляхтича, а отъ него перешелъ въ Бражню, мѣстечко Князя Адама Вишневецкаго ⁴⁾, и тутъ впервые открылъ свое званіе Игумну, который сказалъ о томъ Князю. Князь призвалъ къ себѣ Царевича, тщательно распросилъ его обо всемъ, чтобы удостовѣриться, точно ли онъ наследникъ Московскаго престола, и убѣжденный въ этой истинѣ, снялъ съ него монашескую одежду, замѣнивъ ее богатымъ Польскимъ платьемъ; въ послѣдствіи явился съ нимъ къ Князю Константину Вишневецкому, зятю Восводы Сендомирскаго ⁵⁾. Князь Константинъ представилъ Димитрія Пану Воеводѣ, а Панъ Воевода Его Королевскому Величеству въ Краковѣ; по возвращеніи же оттуда, отправился съ Царевичемъ въ походъ и повелъ его въ Москву съ нѣсколькими тысячами войска.

1605.

Во время сего похода, наши взяли приступомъ пограничную крѣпость, Морависко, которую чернь сдала Царевичу вмѣстѣ съ связанными Воеводами; отсюда пошли подъ Черниговъ, гдѣ жители также выдали Воеводъ и присягнули Царевичу. Послѣ того, наши подступили къ третьей Русской крѣпости, Новгородку, которую Стрѣльцы, числомъ до тысячи, обороняли упорно; осада сей крѣпости продолжалась восемь недѣль. Между тѣмъ 31 Декабря 1604 года подошло на помощь Русскимъ до 40.000 человекъ: